

Валерий Афанасьев: «Люблю лес. Как Хайдеггер»

Версальский затворник — о музыке, о книгах, о вине...

Русский телеграф. — 1998. — 20 янв. — с. 10

Валерий Афанасьев — пианист, известный своим пристрастием к романтической музыке, ее крайне нетрадиционным исполнением, а также эксцентрическим поведением на сцене и в жизни. Афанасьев — не только музыкант, он полиглот, писатель, ценитель изысканных вин. Он — персонаж. С ним беседует **Владимир Вольтинский**

— Когда вы приезжаете в Москву, вы ощущаете себя русским или просто концертирующим артистом..

— Я приезжаю на родину, в свое прошлое, которое играет в жизни все большую роль. Особенно если ты одинок, то все чаще обращаешься к детству. Я не жалею о одиночестве. Это мой сознательный, добровольный выбор. Я первый расстался недавно со своим другом, так как наше общение не давало никаких положительных эмоций. Положительные эмоции дают Данте, Шекспир... лес.

— Лес?

— Да, конечно. Я вообще дитя леса. Я родился и вырос рядом с Сокольническим лесом, а живу теперь напротив леса Версальского, в котором работаю в среднем пять месяцев в году. Кстати, Хайдеггер тоже очень любил лес. Подалее от людей... Я даже не знаю, было бы мне так уж интересно общение с живым Данте; мне, прежде всего, интересно то, что он создал, написал — его произведения, которые являются квинтэссенцией человеческого мозга. Сейчас, правда, принято уделять большое внимание энергии человека. Считают, что велик тот, кто излучает больше энергии. Но вот, например, Чеслав Милош, которого я считаю великим нашим современником, никакой энергии не излучает; я недавно смотрел его старое интервью по телевидению. Никакой там энергии не было, но, в то же время, бы-

ло очень много ценного. То же самое можно сказать о Монтале, да и о Бродском, а ведь он — выдающийся поэт. А вот «от новых русских» — очень много энергии, хоть они не великие люди...

— Может быть, ваше энергичное одиночество средни эгоизму, гедонистическому отношению к жизни?

— Может быть, может быть... Вы знаете, меня совершенно не интересуют слава, карьера. Я сижу в лесу или за компьютером и пишу романы. Уже девять издано — в России пока только два. Это все небольшие тиражи — 2–3 тысячи, сравнительно небольшие деньги. Но я в то же время не хочу как угорелый слоняться по миру, давая сотни концертов в год и этим зарабатывать на жизнь. Ничего не увидишь вокруг. Я даю не больше 30 концертов в год.

— Вы пишете по-английски. Это в каком-то смысле продолжение Набокова?

— Когда-то я очень им увлекался. Но потом заметил, что он, в отличие, например, от Пруста, не создал метафизического пространства. Набоков играет понятиями, но у него нет загадочности. Кажется, он почувствовал это лишь в последние годы жизни и «настаивал» на потустороннем мире. Об этом мне говорила и его вдова.

— А с самим Набоковым вы не встречались?

— Нет. Я вообще ни с кем почти не встречался, хотя и мог. Например, с Беккетом. Он жил в Париже, я в Версале. Он все время

МИХАИЛ АБРАМОВ

ходил в «Ротонду» — это знаменитое культовое место и парижской, и русской богемы еще с 20-х годов (сейчас там, кстати, плохая кухня), писал там, и его никто не узнавал.

— Вы можете отметить что-то в современной литературе? Кажется, снова в моду входит Франсуаза Саган?

— Нет, я этого не заметил.

— А Андрей Макин?

— Нет, нет... Для меня нет. Я лучше почитаю «Гамлета», хотя я знаю его почти наизусть по-английски. Недавно, кстати, я посмотрел одну из новых киноверсий — с Кеннетом Браном в главной роли. Она хороша тем, что это первая в кино полная версия «Гамлета». Идет почти четыре часа. Я смотрел ночью, переменяя просмотр фрагментами из нашего «Гамлета», из «Гамлета» Оливье...

— Ну хорошо, тогда поговорим о кино...

— В кино мне интересен Гринуйз, прежде всего «Книга Просперо», потом «Зоо»: там тоже довольно трудная идея, прекрасный визуальный ряд и, конечно, музыка. Ну, еще «Мертвец» — в нем есть какая-то переключка с Бастером Киттоном. Правда, музыка там мне не понравилась.

— Кажется, мы еще не поговорили о музыке?

— Не только, еще и о вине. Вы знаете, судить о том, что сегодняшнее состояние культуры неблагоприятно, можно по тому, как ухудшилось вино. Пить можно только то, что выпущено до 61-го года, до тех пор, пока не начали увеличивать количество виноградинок на одном и том же участке земли. Урожая стали собирать больше, но худшего качества. Нынешнее вино напоминает сладенькую водичку, и испытать те необыкновенные ощущения, которые испытываешь, когда пьешь старое вино, просто невозможно. К счастью, я знаю места в Париже и во Франции, где есть настоящие вина. Кроме того, и у меня неплохой погреб — более трех тысяч бутылок. Самые старые — прошлого века, но бывают и еще древнее. К сожалению, мы никогда уже не узнаем, какой вкус имело вино в римских амфорах. Самые лучшие вина можно приобрести на аукционах вин, о которых в России прежде и не слышали. Недавно здесь прошел такой аукцион, и это большое событие.

— Вино — вином, но хотелось бы все-таки поговорить о музыке...

— Она тоже подверглась коммерциализации. Глубина исчезает, она никого не интересует. Уже несколько лет назад попасть на концерты Поллини было труднее, чем на концерты великого Артуро Бенедетти-Микельанджели. Каждое его выступление было великим событием, но он отменил концертов больше, чем сыграл. Он, как известно, не любил записываться, и был прав — запись абсолютно не передает его искусство, его манеру игры. Микельанджели, как и Горовиц, был музыкантом сер-

шенно иной эпохи. Сегодня великие ушли: со смертью Рихтера все захвачено славой и деньгами. Мне много говорят о молодых, о том, как прекрасно играют в 12 лет. И ссылаются при этом неизменно на Моцарта. Но, во-первых, Моцарт, действительно, единственный гений, а во-вторых, он дорог нам не тем, что под руководством своего отца, капельмейстера Леопольда, давал концерты в пятилетнем возрасте, а тем, что написал «Дон-Жуана» и «Реквием». Но из сегодняшних 12-летних не выходит великих. Сегодня сама атмосфера не способствует развитию талантов. Это не навсегда, но думаю, что на пятьдесят лет точно.

— Ваши кумиры — Микельанджели и Горовиц?

— Это были великие музыканты. Причем они не любили друг друга. Но это бывает. Брамс, как известно, ненавидел Чайковского. Горовиц смеялся над Микельанджели... Но на меня лично особенно большое влияние оказали дирижеры, хотя великих я и не слышал вживую. Я никогда не слышал Клемперера, Фуртвенглера, Тосканини. Только Мюнша, когда он был в Москве.

— А Караян?

— Караян решил популяризовать музыку, сделать ее доступной всем, как-то унифицировать. Но не только это. Он стремился украсить свои интерпретации. Это, по-моему, было разрушительно. Тем не менее, он создал прекрасный ансамбль, так как обладал просто гипнотическим даром.

— Вы ведь тоже дирижируете?

— Очень редко. Я не обладаю дирижерской техникой. Хотя порой и думаю: «А почему бы не взмахнуть дирижерской палочкой?»